

Н. Д. Черноскутова
Уральский федеральный университет,
г. Екатеринбург

Приемы создания образа Л. Н. Толстого в книге И. А. Бунина «Освобождение Толстого»¹

С самых ранних лет и на протяжении всей жизни И. А. Бунин мыслил Льва Толстого своим главным духовным и творческим наставником. В юности Бунин некоторое время примыкал к движению толстовцев, пытался «опроститься» и жить трудовой жизнью, однако это увлечение было недолгим, спустя некоторое время он разочаровался в толстовцах. Как признается сам писатель в книге «Освобождение Толстого», вошел он в их круг лишь для того, чтобы приблизиться к самому Толстому, иметь «тайную надежду когда-нибудь увидеть его» [Бунин, 2014, с. 72]. Его надежда впоследствии оправдалась.

Описывая в «Освобождении Толстого» их первую встречу, Бунин создает особенную, почти сказочную атмосферу: «какой особый сад, какой необыкновенный дом, как таинственны и полны значения эти освещенные окна: ведь за ними — Он» [Там же, с. 73]. В этом фрагменте подчеркивается то благоговение, которое Бунин испытывал перед Толстым. Личное знакомство с Л. Толстым и последующие их редкие встречи стали для него знаковыми, во многом определившими его дальнейшие художественные и философские ориентиры.

Смерть Л. Толстого Бунин переживал очень тяжело. О. Н. Михайлов отмечает, что Бунин воспринял кончину Толстого «и как величайшее личное несчастье, и как утрату, последствия которой скажутся на всей общественной жизни страны» [Бунин, 1967, с. 555].

¹ Работа выполнена под руководством доктора филологических наук, доцента, профессора кафедры русской и зарубежной литературы Уральского федерального университета Натальи Викторовны Пращерук.

После смерти Толстого он особенно ясно ощутил колоссальность значения его художественного и духовного наследия. Бунин полагал своим долгом создать глубокую и правдивую книгу о Толстом — книгу, которая бы стала ключом к пониманию произведений писателя, его философских и жизненных установок, его предсмертного поступка. А. К. Бабореко в книге «Бунин. Жизнеописание» приводит следующую цитату Николая Гусева об «Освобождении Толстого»: «Книга Бунина представляет совершенно исключительное явление во всей колоссальной литературе о Толстом. Ее основная идея — глубоко справедлива, и Бунину делает честь, что он первый так осветил сокровенную внутреннюю жизнь Льва Толстого» (цит. по: [Бабореко, с. 287]).

Книга «Освобождение Толстого» уникальна во многих отношениях. Она синтезирует в себе художественные, философские, документальные, публицистические и мемуарные элементы. Автор органично вводит в свой текст выдержки из произведений Толстого, цитаты библейских и буддистских источников, личные письма, высказывания членов семьи Толстого и к ней приближенных. Композиция произведения развивается по ассоциативному принципу: логика повествования всецело подчиняется авторскому замыслу, при этом автор непосредственно включен в повествование и как мыслящий субъект, и как реальная личность.

В силу существенной философской составляющей книги и обилия отсылок к религиозным текстам, литературоведы, как правило, изучают «Освобождение Толстого» с точки зрения религиозно-философской проблематики. В своем исследовании мы рассматриваем «Освобождение Толстого» в парадигме литературных портретов современников, написанных Буниным («Освобождение Толстого», «Воспоминания», «О Чехове»). Проанализировав способы создания образов во всех вышеперечисленных произведениях, мы выделили ряд повторяющихся приемов.

Говоря о писателях-современниках, Бунин почти всегда дает развернутую портретную характеристику. Часто во внешности портретируемых он выделяет звериные черты. Например, в очерке из книги «Воспоминания» Бунин уподобляет Шалыпина медведю. Толстого Бунин несколько раз сравнивает с гориллой, причем как внешние его черты: бровные дуги, по-

ходку, так и его жизненный путь: «гориллы в молодости, в зрелости страшны своей телесной силой, безмерно чувственны в своем мироощущении, беспощадны во всяческом насыщении своей похоти, отличаются крайней непосредственностью, к старости же становятся нерешительны, задумчивы, скорбны, жалостливы» [Бунин, 2014, с. 105]. В подтверждение сказанного он приводит описание поздних портретов Толстого, где «стали появляться кротость, покорность, благоволение, порой даже улыбка, ласковое веселье» [Там же].

Описывая внешность того или иного своего героя, Бунин всегда отмечает изменения облика во времени. В книге «Освобождение Толстого» он дает несколько портретов писателя в разные периоды его жизни. По контрасту с приведенным выше поздним портретом более ранние изображения Толстого описываются следующим образом: «Все прочие портреты, чуть не с отрочества до старости, поражают смелой серьезностью, строгостью, недоверчивостью ... сумрачные, пристально-пытливые глаза, твердо сжатые зубы» [Там же, с. 106]. Кроме того, Бунин делает акцент на том, что внешность Толстого менялась не только со временем, но и в зависимости от его настроения, от того или иного душевного состояния, в котором он находился в данный момент, а также в зависимости от среды, в которой он был в данную минуту.

Особенности речи также являются для Бунина важной составляющей образа. Например, в «Воспоминаниях» Бунин пишет о Куприне, что он «запальчиво бормотал своей обычной армейской скороговоркой, ударяя на последний слог» [Там же, с. 520]. Бунин заостряет внимание и на качествах речи Толстого, цитируя записки музыканта А. Б. Гольденвейзера, который на протяжении 15 лет посещал дом Толстого. Гольденвейзер отмечает, что Толстой произносил «г» с придыханием, простонародно, а также использовал слова на старинный лад, например, «Штокгольм», и не пренебрегал диалектными выражениями. Но так, по мнению Бунина, говорили все, кто принадлежал к деревенско-помещичьему быту в той местности. Кроме того, Бунин оспаривает слова Гольденвейзера о том, что Толстой не использовал «грубых», «народных» слов. «Употреблял, и довольно свободно — так же, как все его сыновья и даже дочери» [Там же, с. 111], — пишет Бунин. Но при этом далее он акцентирует

Чернокутова Н. Д. Приемы создания образа Л. Н. Толстого...

внимание на том, что самым близким кругом для Толстого оставался тот, к которому он принадлежал по рождению. Цитируя секретаря Толстого В.Ф. Булгакова, Бунин отмечает, что «Лев Николаевич был доступен сословным предрассудкам» [Там же, с. 101] и очень боялся мезальянса для своих дочерей. Те, кто видели его в высшем обществе, вспоминали: «несмотря на свои причуды, он, прежде всего, светский человек и джентльмен с головы до ног и в обществе очарователен» [Там же, с. 102]. Такие контрасты находит Бунин в личности Толстого.

В мемуарной прозе о современниках Бунин нередко обращается к противоречивым чертам в образах своих героев, однако в образе Толстого это проявляется наиболее ярко. Толстовская «непоследовательность» — непостижимая грань его личности для многих близких, учеников, людей, знавших его и пытавшихся осмыслить его биографию. Большинство принимало только какую-либо одну сторону его личности, жертвуя остальными ради схематического представления о Толстом — человеке, мыслителе и художнике. В подтверждение этому Бунин приводит цитату брата Толстого Сергея Николаевича «Ведь как хорошо писал когда-то! Думаю, лучше всех писал. А потом свихнулся. Недаром с самого детства помню его каким-то странным...» [Там же, с. 103]. Внутренняя противоречивость, постоянное движение мысли, переосмысление и переоценка прежнего — важнейшие черты, которые Бунин отмечает почти во всем облике Толстого, включая его мировоззренческие и бытовые аспекты.

Но, несмотря на некоторые сходства, книга «Освобождение Толстого» выделяется из ряда бунинской мемуарной прозы о современниках. В очерках книги «Воспоминания» и в книге «О Чехове» индивидуально-личностное начало автора выходит на первый план, подчиняя себе биографического Другого, тогда как в книге «Освобождение Толстого» автор и герой находятся в равных отношениях: Толстой подается как соавтор, собеседник Бунина. Бунин сознательно нарушает «традиционную схему субъектно-объектных отношений автора и героя, наделяя Толстого правом “прямого присутствия” в тексте» [Пращерук, с. 170]. Включая в текст произведения большое количество цитат из дневников, писем и произведений Толстого, Бунин дает ему возможность говорить от первого лица. Таким образом,

между автором и его героем выстраиваются диалогические отношения. В некоторых главах диалогическая основа произведения легко вычленяется: после приведенной цитаты Толстого Бунин дает свои размышления по поводу сказанного Толстым. Или наоборот: сначала он ставит вопросы, а затем приводит цитату, которая может служить на них ответом.

Такой уникальный способ раскрытия личности еще раз свидетельствует об особом отношении Бунина к Толстому. Для Бунина личность Толстого исключительна, ее невозможно постигать традиционным способом — рассматривать как объект исследования и пытаться дать собственную оценку. Именно эти установки Бунин не принимал в работах предшественников, пытавшихся осмыслить биографию Толстого.

Книга «Освобождение Толстого» является одним из итоговых произведений И. А. Бунина, в котором через диалог с Львом Толстым он попытался изложить и собственные философские и художественно-эстетические установки. Выполняя поставленную сверхзадачу — постичь личность Толстого, попытаться приблизиться к нему, Бунин создал глубокую и многогранную книгу, которая задает безграничное поле для исследований.

Список литературы

Бабореко А. К. Бунин. Жизнеописание. М. : Молодая гвардия, 2004. 458 с. (ЖЗЛ : сер. биогр. ; вып. 1106 (906)).

Бунин И. А. Собр. соч. : в 9 т. Т. 9 : Освобождение Толстого ; О Чехове ; Избр. биогр. материалы, воспоминания, статьи. М. : Худож. лит., 1967. 662 с.

Бунин И. А. Гегель, фрак, метель. М. : ПРОЗАиК, 2014. 671 с.

Пращерук Н. В. Проза И. А. Бунина в диалогах с русской классикой : моногр. 2-е изд., доп. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016. 206 с.